

Формирование этикета и его роль в контексте эволюции воинской культуры Японии

Лестев Антон Евгеньевич

аспирант, Казанский государственный институт культуры
420087, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Курчатова, 8

Lestev Anton Evgen'evich

PhD student of the Department of History and Sociology at Kazan State University of Culture and Arts
420087, Russia, republica Tatarstan, g. Kazan', ul. Kurchatova, 8, kv. 54

✉ antonraben@mail.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"](#)

Аннотация. Предметом исследования является японский этикет, являющийся важной частью культуры японского общества. Этикет пронизывает все сферы общественной жизни современного японца. Как часть культурной традиции он является неотъемлемой составляющей практики боевых искусств. Именно изучение сохранившихся в школах боевых искусств форм этикета позволяет раскрыть его истинную сущность и роль в развитии воинской культуры Японии. Кратко рассмотрев процесс эволюции воинской культуры, можно раскрыть основные причины разработки и внедрения сложной системы этикета в японском обществе. Исследование произведено с использованием исторического и логического методов для выявления процесса культурно-исторического развития. В процессе изучения этикета в школах японских боевых искусств также использовался эмпирический метод исследования. В статье сделан вывод о том, что этикет является специальным культурным механизмом ограничения насилия в воинском сообществе. Разработка данного механизма позволила свести к минимуму ситуации, в которых честь и достоинство воина могли быть задеты или оскорблены, что, в свою очередь, оказало влияние на стабильность общественных отношений и развитие культуры.

Ключевые слова: Этикет, Боевые искусства, Самурай, Воинская культура, Япония, Японская культура, Японский этикет, Насилие, Культурный механизм, Воинский этос

DOI: 10.7256/2454-0625.2017.4.18508

Дата направления в редакцию: 28-03-2016

Дата публикации: 28-05-2017

Abstract. The subject of the research is the Japanese etiquette as an essential part of Cultural Japanese society. The etiquette intertwines with all spheres of social life of a contemporary Japanese man or woman. As a part of cultural tradition, it is an essential element of martial arts. Analysis of marital arts etiquette that is still taught at Japanese martial arts schools allows to understand the essence and role thereof in the development of Japanese marital culture. By briefly reviewing the process of the evolution of marital culture, we may understand the main reasons of developing and implementing a complex system of etiquette in Japanese society. The research is based on using historical and logical research methods that allow to describe the process of cultural and historical development. In the course of studying the etiquette at Japanese martial arts school the

author has also used the empirical research method. At the end of the article the author concludes that Japanese etiquette is a specific cultural mechanism that limits violence in military society. Development of that mechanism allowed to reduce or even eliminate situations when dignity of a warrior could have been harmed which, in its turn, made a certain impact on the stability of social relations and further development of culture.

Keywords: violence, Japanese etiquette, Japanese culture, Japan, martial culture, samurai, martial arts, etiquette, cultural mechanism, warriors' ethos

Развитие человеческой культуры от первобытного до современного состояния предполагало выработку специальных культурных механизмов взаимодействия индивидов в рамках человеческого общества. Среди таких механизмов одним из ключевых являлся механизм ограничения насилия и сдерживания агрессии. Выработка этого механизма предопределила развитие культуры взаимодействия между людьми до современного состояния, когда люди живут по законам как писанным, так и неписанным, а не по праву сильного, характерному для животных сообществ и первобытных культур. Ограничение насилия и агрессии внутри человеческого общества имеет первостепенное значение для развития культуры и цивилизации, особенно с учетом постепенного развития технологий, в т.ч. и технологий, направленных на уничтожение человека. Согласно теории техно-гуманитарного баланса разработка более совершенных технологий и оружия требует выработки более совершенных механизмов культурного регулирования агрессии и насилия, дабы свести возможность применения этих технологий для уничтожения человека к минимуму [1, с. 152]. В первую очередь это касается людей связанных с применением оружия по роду своей профессиональной деятельности, например военных и полицейских. Современные общественные законы предоставляют, как минимум в теории, равные права и возможности для всех людей, что стало возможным благодаря развитию институтов гражданского общества и нивелированию сословных различий между людьми. Однако, вместе с сословными различиями в прошлое уходят и многие культурные элементы, выработанные на протяжении веков. Воинская культура характерная, например, для Японии и России уходит в прошлое. Но если в России потомственные дворяне, офицеры и казаки намеренно уничтожались после революции, то в Японии культура самурайского сословия эволюционировала, сохранив свое влияние на многие аспекты японской жизни и, прежде всего, на этикет. Американский исследователь Томас Клири считает, что вся ментальность японской цивилизации связана с бусидо (яп. путь воина), являющегося основой коллективного бессознательного всей нации [2, с. 6]. Именно на примере японской воинской культуры можно рассмотреть процесс разработки культурных механизмов регулирования агрессии и насилия между людьми, а также их значение для развития общества.

Этикет как часть японской культуры

Знакомство с японской культурой всегда вызывает удивление необычайной вежливостью представителей японского народа. «Японский этикет – это составная часть внутренней культуры японского общества, своеобразный ритуал, который выражается в детально разработанных правилах поведения на каждый день, четко организующих жизнь японцев в рамках всего общества» [3, с. 14]. В Японии этикету начинают обучать с детства, каждый член общества знает, как подобает себя вести в определённых местах и при определённых обстоятельствах. Этикет представляется цельной системой исторических традиций, обычаев и навыков, передающихся и культивируемых в

обществе из поколения в поколение [3, с. 15]. При этом все исследователи отмечают основополагающую роль самурайского кодекса «бусидо» в становлении и развитии японского этикета, а также в привитии его норм японскому обществу. Несмотря на это, современный этикет не является копией воинского этикета и имеет с ним серьезные различия, как по форме, так и по внутренней смысловой наполненности действий. Даже само слово «этикет» в современном японском языке зачастую записывается катаканой – азбукой для записи иностранных слов [3], тогда как для обозначения этикета в боевых искусствах традиционно используется понятие «рэйги» [4, с. 40] или «рэй-ги-са-хо», где рэй – здороваться, поклон, знак приветствия, ги – правила, церемониал, са-хо – хорошие манеры, этикет, благовоспитанность [5, с. 21].

Этикет в воинском сообществе – это, прежде всего, сложный культурный механизм регулирования отношений между воинами. В данном случае воин представляется человеком с особыми морально-нравственными императивами [6, с. 407], с особым подходом к решению проблем экзистенциальных детерминаций человека [7, с. 131] и социо-культурной наполненностью жизни. Учитель Тамура Нобуёси писал: «Агрессивность и боевой инстинкт будут лишь усиливаться, если их не ограничивать в процессе боевой практики. Чтобы управлять группой, движимой этими агрессивными инстинктами, и уберечь её от распада, необходимы определенные правила. Этикет и дисциплина, вероятно, родились в связи с такой необходимостью, и именно они-то и позволяют нормально функционировать этим правилам. Поединок, лишенный правил и этики, относится к животному миру, а не к миру будо» [4, с. 40]. Таким образом, этикет в боевых искусствах является не просто внешней исполняемой формой, а принципом, используемым как для безопасности, так и для собственного духовного совершенствования [5, с. 20]. Понятие «рэйги» объединяет воспитанность, вежливость, уважение, почтение, признательность, понимание и принятие собственного места в социальной иерархии [4, с. 40]. Основатель стиля Сётокан каратэ-до Фунакоси Гитин писал: «Если внутри у человека нет чувства уважения, и он лишь формально соблюдает церемониал – это не подлинный рэй. Подлинный рэй – иметь чувство уважения и выражать его в ритуале-этикете» [8, с. 155]. При этом в Японии понятие этикета распространяется не только на отношения между людьми, но и на отношение к предметам и занятиям. Существуют совершенно определенные правила и ритуалы обращения с оружием (в том числе поклон оружию) [9, с. 129], предметами для каллиграфии или же к месту тренировки (додзё). Такой подход во многом связан с синтоистским мировосприятием японцев, одухотворяющим предметы, с другой стороны здесь заметно влияние дзэн-буддизма с его идеей присутствия в текущем моменте и осознанности каждого движения. Искусность, искренность и уважительное отношение к своему занятию с одной стороны является своеобразным подношением богам (хоно), а с другой методом тренировки сознания.

Различия в современном повседневном этикете и в воинском этикете можно рассмотреть на примере правил выполнения поклонов. В современном этикете при поклоне считается невежливым смотреть собеседнику в глаза, взгляд необходимо опускать, за исключением случая, когда вы находитесь в стесненном пространстве и совершаете приветствие в форме «мокурэй» (кивок и приветствие взглядом) [3, с. 50]. В традиционных японских боевых искусствах поклон перед выполнением упражнений всегда совершается таким образом, чтобы взгляд контролировать своего противника/партнера: при безоружном поклоне взгляд направлен в глаза, при поклоне с

оружием может быть направлен в глаза или на оружие. Поклон с опущенными в пол глазами в боевых искусствах выражает крайнюю форму доверия и полный отказ от агрессии [\[10, с. 32\]](#). Фактически каждая школа боевых искусств имеет свои особенности выполнения рэйги, которые являются неотъемлемой частью выполняемых при обучении стандартных форм (ката).

Приветственные поклоны, выполняемые воинами, являются формой этикета равных по социальному статусу людей. Представить себе ситуацию, когда крестьянин бы совершил поклон самураю, глядя ему в глаза, невозможно, т.к. его статус и место в иерархии социальных сословий ему этого не позволяли. По этой причине многие элементы современного этикета отражают более распространённую форму этикета, можно сказать, ту форму, которую воинское сословие определило для низших по рангу сословий. В свою очередь, самурай по отношению к своему господину также должен был выполнять более вежливые формы этикета, нежели по отношению к равному себе по статусу воину.

Восьмисотлетнее господство воинского сословия в Японии предопределило ход её истории и культурного развития. Уровень развития культуры социального общения и взаимодействия в Японии XIX века был крайне высок, а «чем выше становился уровень развитости культуры, тем она сильнее оказывала свое воздействие на динамику социального прогресса в целом. И, наоборот, чем сильнее происходил процесс окультуривания общественной жизни, тем государства и цивилизации успешнее набирали экономическую, военную и технологическую мощь» [\[11, с. 92\]](#). Именно этим в многочисленных работах, посвященных быстрой модернизации Японии, объясняется её развитие после встречи с западными технологиями.

Необходимо отметить, что понятие воинского этикета неразрывно связано с понятиями честь и достоинство, являющимися, фактически, универсальными морально-нравственными императивами воинов всего мира.

Соблюдение этикета позволяло избегать моментов, когда честь и достоинство воина могли быть задеты или оскорблены. Это особенно важно, учитывая тот факт, что воинский этос требовал от самурая незамедлительной реакции на оскорбление или неуважение, даже если это могло стоить ему жизни.

Этикет также повлиял на развитие боевых искусств. Появились целые разделы, предназначенные для обучения воинов методам ведения безоружного боя из положения сэйдза (сидя на коленях). Такая необходимость появилась из-за того, что самурай в доме господина, дворце даймё или сёгуна должен был находиться без оружия и передвигаться на коленях. По этикету войти в дом самурая с мечом мог только сам даймё или самурай, который выше хозяина по своему рангу.

Для понимания развития культуры отношений в воинском сословии необходимо хотя бы кратко проследить эволюцию самого сословия. Складывание отношений самурай-господин развивалось в течение веков, регламентируя и разрабатывая обязанности и права воина и его господина. Окончательное оформление «кодекса бусидо» и воинского этикета было завершено лишь в 17-18 веках в мирный период правления сёгуната Токугава.

Эволюция воинского сословия и морально-нравственные императивы самураев

В архаичных обществах с общинно племенным строем каждый мужчина должен быть и охотником, и воином. При переходе к раннефеодальному обществу из общины начинают выделяться воины, которые за свою свирепость и неустранимость в бою пользуются

особым почетом среди соплеменников. На этом этапе воины тесно связаны с шаманскими культурами, свирепость воинов – это разновидность выхода в измененное состояние сознания при помощи культовых ритуалов [12, с. 89]. Отрицательной стороной этого было деформация психики воина и, зачастую, неконтролируемая ярость, от которой могли пострадать и соплеменники [13, с. 10]. В Европе такие воины известны, прежде всего, по историям о древнескандинавских и древнегерманских берсерках.

В Японии данная традиция также нашла свое отражение в мифологии, а также в некоторых элементах, сохранившихся в школах боевых искусств. Русский ученый Алексей Горбылёв указывает на существование берсеркской традиции в Японии, что можно проследить по мифам о богах Суса-но-о-но микото, Такэмикадзути-но ками, Фуцунуси-но ками, а также в историях про принца-богатыря Ямато-такэру [14, с. 610]. Рассуждая о берсеркской традиции в Японии Алексей Горбылёв говорит, что, по-видимому, они играли важную роль в жизни общества Древней Японии, но к моменту появления первых письменных источников они превратились в маргинальное явление [14, с. 612].

По мере развития общества и переходу от родоплеменных отношений к формированию централизованного государства необходимость в свирепых воинах, связанных с автономными тайными культурами, начинает уменьшаться. Более того, неконтролируемые воинские сообщества начинают представлять угрозу для молодого государства и его власти. В этот период происходит трансформация представлений о предназначении воина и о тех, качествах, которыми он должен обладать.

В японской традиции этот переход заметен по мифам о богах Такэмикадзути-но ками и Фуцунуси-но ками, которые были отправлены на землю усмирять буйных и непокорных земных божеств. Боги Такэмикадзути и Фуцунуси используют свою ярость и силу в целях усмирения буйных божеств, принося с собой мир и покой, а также устанавливая над ними власть великих небесных богов и внука богини солнца Аматэрасу-но оо-ми-ками, от которого ведет свой род императорская династия. Именно на этом этапе впервые возникает идея о предназначения воина в установлении и сохранении мира в государстве, а так как государство установлено небесными богами, то воин выступает в роли защитника и исполнителя воли богов [15, с. 53]. Японский историк Рай Дзё (1780 – 1832) писал: «В первые времена по основании государства нашей династией государственная организация была проста: гражданская и военная функции были объединены. Все в государстве были воинами, и верховным предводителем их был император; министры составляли при нем свиту помощников. Того, чтобы назначался особый главнокомандующий, - не бывало. Конечно, при таких условиях не могло быть ни наследственно-родовых воевод, ни дружинников» [16, с. 55]. Переход к китайской модели устройства государства привел к учреждению военного министерства, а армиями в случае войны назначались командовать военачальники из родов Тайра и Минамото, гражданские же должности и управление государством постепенно перешло в руки рода Фудзивара. Армия того периода была призывной, после окончания войны воины распускались по домам для занятия гражданскими делами. В 780-х годах было решено создать более профессиональное войско, попутно уменьшив его численность, для чего зажиточных сильных крестьян начали обучать стрельбе из лука и верховой езде, тогда как других оставили заниматься исключительно земледелием. С этого периода начинается сословное разделение между воинами и крестьянами [16, с. 58]. Постепенно начинается процесс феодализации японского государства. Зажиточные крестьяне, обученные в воинском искусстве, начинают прибирать власть над другими крестьянами в

районе своего проживания, при этом поступая на службу к представителям знатных родов, пользующихся их услугами для ведения войн против племен эмиси на востоке.

Таким образом, началось формирование отношений господин – подданный близкий к феодальному сюзерен – вассал, в которых за верность и услуги, которые он оказывал господину, воин ожидал вознаграждения и покровительства. Воины сражались в индивидуальных схватках, чтобы произвести впечатление своими подвигами на господина, увеличить славу своего имени, рассчитывая при этом на большие плоды своих побед [17, с. 19]. Историки отмечают, что битвы в средневековой Японии происходили, прежде всего, за земли и что одной из главных целей было конфискация владений врага. Важнейшей же наградой для подданного было получение права на землю и соответственно на доход с нее. Из сохранившихся до нашего времени письменных источников можно установить какими были идеалы воинов того периода: честь воина должна быть незапятнанной, обязанности выше прав, а храбрость неизменный спутник преданности [18, с. 15].

Честь и достоинство воина – основа его самоидентификации и мировоззрения. Достоинство – это внутреннее ощущение воином своей силы, прав и обязанностей, а также соответствия высшим идеалам, установленным в воинской среде. Честь – это чувство больше связанное с внешней оценкой воина, оценкой его поступков, его подвигов, а также возможности защищать и отстаивать свое достоинство. Честь неразрывно связана со славой и позором, а также с тем, насколько ценен каждый отдельно взятый воин для своего господина и для всего воинского сообщества. Именно поэтому воины так чувствительны к оскорблению и попыткам запятнать их честь, человек неспособный защитить свои базовые ценности, не способен защитить ни господина, ни собственную семью. Слава воина принадлежала не только ему, но и всему его роду или даже всему воинскому сословию. Интересна речь Хитоми Сиро из «Повести о великом мире»: «Если я, человек, которому нечего вспомнить сейчас и долго жить ни к чему, увижу, как склоняется к падению воинское правление, это наверняка будет для меня скорбью в старости и помехой в смертный час, поэтому в завтрашнее сражение я вступлю раньше всех и первым буду сражен стрелой, имя же своё оставлю грядущим поколениям» [19, с. 220]. Японский исследователь Икегами Эйко выделяет честь и достоинство как основу самоидентификации самурая, которая выработалась еще в средневековье, с одной стороны формирование данного этоса помогало контролировать воинов, а с другой стороны обеспечивало военные успехи [20, р. 329]. При этом вооруженный и обученный убивать человек всегда ощущает за собой больше прав, возможностей и власти распоряжаться чьими-то жизнями, поэтому любое неуважение к нему может быть воспринято, как попытка посягнуть на его власть, поставить под сомнения его права, дарованные ему господином или по праву рождения, запятнать его честь и оскорбить достоинство. Именно в этом кроется причина презрения воинского сословия к другим сословиям, а также необходимость выработки культурных регуляторов для взаимодействия воинов между собой, т.к. иначе мирное сосуществование столь чувствительных к внешним раздражителям и при этом опасных людей было бы невозможным.

Обратной стороной культивирования подобного мировоззрения был крайний индивидуализм воинов, который выражался как в действиях на поле боя, так и в его личных суждениях. До эпохи Токугава (1603 – 1867) власть господина над своим вассалом-воином не была абсолютной, она держалась лишь на своеобразном договоре, контракте, что воин служит господину, пока тот обеспечивает вознаграждение его подвигов, позволяет ему прославляться и уважает его личность. В случае если господин

по каким-то критериям переставал соответствовать чаяниям воина, то тот без зазрения совести мог его оставить или предать. Данный момент не всегда трезво оценивается исследователями, которые спешат отметить, что подобное вероломное или меркантильное поведение не очень-то соответствует образцу рыцарского поведения. Однако, развитие японской воинской культуры в этом плане ничем не отличается от подобных процессов в Европе.

Великий русский историк Соловьев отмечал подобные отношения и между русскими князьями: «младшие слушались старшего до тех пор, пока им казалось, что он поступает с ними, как отец; если же замечали противное, то вооружались: «Ты нам брат старший, – говорили они тогда, – но если ты нас обижаешь, не даешь нам волостей, то мы сами будем искать их»; или говорили: «Он всех нас старше, но с нами не умеет жить» [\[21, с. 7\]](#). В других случаях, когда не затрагивалась напрямую выгода младших князей, то они относились к старшему с большим почтением и считали для себя большой честью оказать ему услугу, высказать свое мнение или дать совет [\[21, с. 8\]](#).

Историки отмечают [\[22, с. 76\]](#), что кризис в самурайской среде, приведший к долгому периоду междоусобных войн, названному «Эпохой воюющих провинций» (Сэнгоку дзидай, 1467 – 1603), был во многом связан с проблемой распределения земельных угодий и прав на них.

Начало этому было положено благодаря двум вторжениям монголов в 1274 г. и в 1281 г., от которых Камакурский сёгунат так и не сумел оправиться [\[17, с. 72\]](#). В сохранившемся свитке «монгольское нашествие» восхваляется служба воина по имени Такэдзаки Суэнага, интересным моментом которого является описание стремления Суэнага совершить индивидуальные подвиги на поле боя, да так, чтобы об этом обязательно доложили сёгуну и представили его к награде. Для этого он накануне вторжения молился синтоистским божествам и буддам, чтобы те помогли ему отличиться в бою и получить вознаграждение. Для того чтобы получить вознаграждение Суэнага пришлось отправиться в Камакуру лично, в результате он получил должность управляющего поместьем на Кюсю [\[17, с. 69-71\]](#). Война с монголами истощила казну, награды, розданные за победу были невелики, поэтому многие самураи оказались в тяжелом положении, т.к. при призыве самурай был обязан снарядить пеших вассалов за свой счет, а если он не получал достойного вознаграждения, то ему могло грозить разорение. Правительству пришлось издать указ, запрещающий отдавать в залог земли и аннулирующий прежние долги, что впоследствии привело к тому, что ростовщики боялись ссужать деньги бедным самураям из-за возможности правительственной отмены долгов [\[23, с. 47\]](#).

Другой причиной стало усиление в провинциях власти со стороны сёго – губернаторов или наместников провинций, назначаемых центральным правительством. Назначаемые губернаторы постепенно стало превращаться в сёго даймё – во владетельных феодалов, этот процесс сопровождался разложением традиционных поместий сёэн [\[24, с. 19\]](#). Рост влияния сёго даймё привел к увеличению их автономии от центрального правительства и борьбе друг с другом за землю, как экономическую основу их могущества. Именно из их числа появились самые знаменитые предводители воинов периода сэнгоку дзидай: Ода Нобунага, Такэда Сингэн, Уэсуги Кэнсин и другие.

Вопреки мнению о периоде сэнгоку дзидай, как о времени упадка, хаоса и непрерывных войн, сложившемся благодаря японской литературе, в этот период исследователями

отмечается экономический и технологический рост. Для успешного ведения войн даймё заботились об эффективности своей экономической базы, совершенствовали технику строительства замков, появились новые плотницкие инструменты, а даймё Такэда Сингэн построил плотину на реках Каманаси и Фуэфуки [\[24, с. 21\]](#). Этот период заложил основу для расцвета городской культуры эпохи Эдо (1603 – 1867).

Этот же период является временем начала письменного оформления «Кодекса бусидо» или кодекса чести воина. Было написано большое количество сочинений известных военачальников о пути воина: Имагава Садаё (1325 – 1420 гг.) «Правила Имагавы Рёсюна», Асакура Тосикагэ (1428 – 1481 гг.) «Семнадцать пунктов Асакуры Тосикагэ», Ходзё Нагаудзи (1432 – 1519 гг.) «Двадцать одно правило Ходзё Суна», Асакура Норикагэ (1476 – 1555 гг.) «Сотэки Ваки», Такэда Сингэн (1521 – 1573 гг.) «Ивамидзудэра Моногатари», Такэда Нобусигэ (1525 – 1561 гг.) «Мнения, изложенные в девяноста девяти статьях», Набэсима Наосигэ (1538 – 1618 гг.) «Настенные надписи господина Набэсимы», Тори Мототада (1539 – 1600 гг.) «Последнее заявление Тори Мототады», Като Киёмаса (1562 – 1611 гг.) «Правила Като Киёмасы», Курода Нагамаса (1568 – 1623 гг.) «Заметки о правилах» [\[25\]](#).

Кодекс Бусидо

Становление «Кодекса Бусидо» как особого мировоззрения воинов, свода правил и обычаев, регламентирующих жизнь самураев, завершилось фактически в эпоху Эдо. Главными сочинениями этого периода стали «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо и «Будосёсинсю» Тайра Сигэсукэ (Юдзан Дайдодзи). В этих сочинениях на первый план выходит идея долга воина перед господином и идея беззаветного служения.

Необходимость развития такой идеологии объяснялась, прежде всего, тем, что в мирный период мобильность внутри воинского сословия была крайне ограничена. У воинов было мало возможностей добыть славу в бою и получить за это причитающуюся награду от господина. Для предотвращения намеренного провоцирования конфликтов ради получения добычи правительство издало законы, регламентирующие жизнь самурайского сословия. С другой стороны полностью отвергнуть сложившиеся воинские обычаи правительство не могло, т.к. оно само было составлено из представителей воинского сословия и опиралось на него.

В этой связи сложилась сложная система отношений, когда с одной стороны воин не мог просто так ради защиты своей чести убить кого-то, а с другой стороны не мог отказаться от самого акта защиты чести. В некоторых случаях и защита своей чести, и отказ от защиты своей чести могли привести к одному итогу – смерти.

В таких условиях идеологи постарались переориентировать самураев на идею того, что они должны думать только о пользе для своего господина. «Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно» [\[26, с. 69\]](#) – писал Ямамото Цунэтомо. С точки зрения идеологии, культивирование такого отношения к жизни позволяло главам кланов и сёгунату контролировать самураев. Однако, реализация этого принципа на практике значительно различалась. Во многом всё зависело от политики самого даймё. Если в одном клане самурая за любую провинность могли приказать совершить сэппуку, то в других кланах наоборот старались избегать подобных ситуаций.

В боевых искусствах отказ от страха смерти являлся одной из целей психологической тренировки [\[27, с. 108\]](#), но в практическом смысле последователь того или иного боевого

искусства не должен был попусту разбрасываться своей жизнью. Тем более главы кланов не стремились разбрасываться такими людьми.

Тем не менее, сэппуку как способ наказания самурая, обеспечивающий сохранение его чести и чести его семьи, был установлен на государственном уровне. Это потребовало разработки специального этикета проведения ритуала самоубийства. Действия главных действующих лиц были строго регламентированы, также были описаны подходящие места, подходящие приготовления для проведения ритуала. В школах боевых искусств изучались специальные ката, исполнение которых обеспечивало правильное выполнение роли кайсяку (ассистента). Роль ассистента заключалась в необходимости отрубить голову совершающему сэппуку, после того как он разрежет себе живот.

Необходимо понимать, что альтернативой совершения сэппуку была обычная казнь, приговор к которой был позором для самурая и его семьи.

Правильное соблюдение этикета позволяло сохранить самообладание и помочь совершающему сэппуку не потерять лицо.

Другой задачей «Кодекса Бусидо» было сохранение воинского сословия от морального разложения в мирных условиях, когда отсутствовала явная причина сохранения дисциплины внутри сообщества. Кодекс предписывал не играть в азартные игры, избегать алкоголя и увеселительных заведений, не ввязываться в авантюры и не вступать в конфликты, которые могли бы привести к ситуации, когда честь самурая оказалась бы под угрозой. Кодекс стремился направить самураев на развитие внутренних качеств и культивирование полезных для воина навыков. Среди подобных занятий достойными считались обязательная практика боевых искусств, изучение конфуцианских книг, почитание будд и божеств, иногда к достойным занятиям относили и умение слагать стихи, а также каллиграфию.

В Японии этикет сохраняется даже в семье. Американский антрополог Рут Бенедикт писала: «Разумеется, есть лица, между которыми церемонии сведены практически к нулю. В Соединенных Штатах это люди, принадлежащие к семейному кругу. Мы избавляемся даже от малейших формальностей этикета, когда приходим домой, в лоно семьи. В Японии именно в семье правила уважения усваиваются и досконально соблюдаются» [\[28, с. 89\]](#). Подобный результат явился прямым следствием принятой в самурайской среде системы воспитания и отношений внутри семьи. Кодекс бусидо и в этом случае сыграл свою определяющую роль. В то время как самураю предписывалось в первую очередь думать о господине: «Для воина не существует иных мыслей, кроме мыслей о своем господине» [\[25, с. 31\]](#), жене самурая предписывалось таким же образом относиться к своему мужу [\[25, с. 31\]](#). Подобный же подход использовался при воспитании детей: «При воспитании мальчика следует, прежде всего, поощрять в нем храбрость. С малых лет ребенок должен относиться к родителям как к своему господину, учиться правильно себя вести и правильно вести беседу, учиться прислуживать людям, быть терпеливым и даже учиться правильной походке. В прошлом использовался такой же подход к воспитанию. Если мальчик выполняет порученное ему дело без особой охоты, его следует побранить и оставить на целый день без еды. Так же следует воспитывать и слуг» [\[25, с. 255\]](#).

Правильное воспитание позволяло надеяться, что наследник будет вести себя подобающе и не опозорит имя своих предков. Таким образом, самурай должен был заботиться не только о своей чести, но и о чести всего своего рода, как в прошлом, так и в будущем, всеми способами оберегая её. Необходимо также упомянуть, что ни в

одной из соседних с Японией стран нет такого щепетильного отношения к своей чести и достоинству, о чем писала Рут Бенедикт: «Однако гири перед именем, со всей враждебностью и настороженностью, которые сопровождают его в любой культуре, не характерен для азиатского континента» [28, с. 185]. Такое щепетильное отношение к своей чести характерно для культур с доминирующей воинской составляющей. Характерным примером в европейской истории являются широко распространенные в офицерской и аристократической среде дуэли.

Этикет как культурное наследие

Рассмотрению влияния «Кодекса бусидо» на развитие японского национального характера могут быть посвящены целые монографии. Для нас важным является то, что именно культура воинского сословия создала ту уникальность японской нации, которая до сих пор поражает людей всего мира. Книга американского исследователя японского происхождения Икегами Эйко посвящена как раз вопросам развития и трансформации самурайской культуры чести и долга, а именно их переориентации на самосовершенствование и благо государства [20]. Этот процесс, по мнению Икегами, предопределил возможность модернизации Японии и технологического скачка, позволивших современной Японии стать одним из экономических, научных и финансовых центров мира.

Приход к власти в Японии воинского сословия и доминирование воинских идеалов создало уникальные явления японской культуры, одним из которых является чрезвычайно развитый и пронизывающий все сферы жизни этикет. От европейского этикета японский отличает, прежде всего, его жизненность и применимость ко всем ситуациям. Разрабатываемый как механизм ограничения насилия, как средство минимизации конфликтных ситуаций, предписывающее каждому члену общества подобающее его рангу поведение, японский этикет стал сложнейшей системой регулирования социальных отношений.

В современном искусстве, в том числе и боевом, этикет тесно связан с эстетикой. Правильно выполненный поклон и ритуал этикета полный благодарности и уважения наполняет действие красотой и гармонией. Этикет в боевых искусствах настраивает ученика на правильное отношение к искусству и к обучению. Он должен смирить свою гордыню, наполниться уважением к традиции и Пути, на который он встал, и только тогда искусство откроет перед учеником свои тайны. На один из многочисленных вопросов «Что главное в айкидо?» основатель этого искусства Уэсиба Морихэй ответил, что главное это ровно ли стоят тапочки у входа в додзё (зал для тренировки). Смысл в том, что гармония и мир вокруг человека недостижимы без гармонии и мира внутри него самого, приходя в зал, человек проявляет своё уважение к месту, где он учится, к тем, кто его учит, и к тем, с кем он учится. И именно это уважение является залогом его обучения и продвижения на Пути. Способ же выражения уважения и благодарности является этикет. Японский мастер Тамура Нобуёси писал: «Действия, выполняемые в соответствии с правилами этикета, порождают чистое сердце и благородное поведение. Я склонен думать, что это чувство сопереживания другим просто связано с гармонией и миром» [4, с. 43].

Влияние этикета ощущается во всех сферах жизни японца. Этикет оказал сильнейшее влияние на развитие японского языка, одной из главных сложностей которого для изучающих его является большое количество различных форм вежливости, которые необходимо не просто знать, а применять в соответствии с определенной ситуацией.

Даже сегодня в условиях господствующей идеологии капитализма японский этикет сводит ситуации прямой конкуренции к минимуму. Таким образом успех зависит не от того насколько ты умело обставил своего конкурента, а от приложенных усилий, знаний и, не в последнюю очередь, от хорошей репутации.

Японские общественные деятели часто связывают проблемы современного мира с тем, что люди не умеют себя подобающе вести, забыли о долге и дисциплине. Основатель компании Matsushita Electric Мацусита Коносукэ писал: «Мне часто кажется, что люди забыли, как вести себя на публике. В наши дни считается вполне приемлемым полностью посвятить себя стремлению к личной выгоде. В результате общество страдает от беспорядка и жестокости, связанных с неправильно выбранными ценностями» [\[29, с. 188\]](#).

Японский этикет является не просто интересной особенностью, но сложнейшим культурным механизмом регуляции социальных отношений, который необходимо изучать. Изучение данной темы поможет пролить свет на эволюцию национального характера, психологию масс, механизмы регулирования общественного поведения и предотвращения социальной напряженности. Тем самым этикет представляется нематериальным культурным наследием японского народа.

Библиография

1. Назаретян А.П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? (развёрнутый комментарий к статье А. М. Буровского) // Историческая психология и социология истории. 2009. Вып. 2. С. 150 – 170.
2. Клири Т. Японское искусство войны. Постижение стратегии. СПб.: Евразия, 2012. 224 с.
3. Арешидзе Л.Г., Крупянко М.И., Крупянко И.М. Современный японский этикет: разнообразие в гармонии. М.: Междунар. отношения, 2013. 264 с.
4. Тамура Н. Айкидо. Этикет и передача традиции. К.: «София», 2002. 176 с.
5. Кригер П. ТЭН-ДЗИН-ТИ. Через каллиграфию к Будо. С-Пб.: В.Н. Шадрин, 2011. 120 с.
6. Лестев А.Е. Морально-нравственные императивы рыцарей Суверенного Военного Мальтийского Ордена // Культура и искусство. 2015. № 4. С. 407-412. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.4.15204
7. Меньчиков Г.П. Человек и его базовые экзистенциальные детерминации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2008. №3. С. 131 – 141.
8. Фунакоси Г. «Двадцать наставлений о пути каратэ» и их разъяснение // Научно-методический сборник «Хидэн» (боевые искусства и рукопашный бой), выпуск 4. М.: А.М. Горбылев, 2009. С. 154 – 178.
9. Зиганшин Р.М. Военный этикет самураев // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 2. С. 125–151.
10. Уэсиба К, Уэсиба М. Лучшее айкидо. Основы. М.: АСТ: Астрель, 2009. 191 с.
11. Юсупов Р.Р. Культура в историко-цивилизационном и национально-региональном контексте // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №2. С. 92 – 94.
12. Умбрин Д.Н. Воины-звери, воины-колдуны. Мн.: Харвест, 2007. 304 с.
13. Акунов В.В. Берсерки. Воины-медведи древнего Севера. М.: Вече, 2014. 340 с.
14. Горбылёв А. Синтоистская традиция воинских искусств // Синто – путь японских

- богов: в 2 т. Т. I. Очерки по истории синто / Общ. ред. Л.М. Ермакова, Г.Е. Комаровский, А.Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2002. С. 601 – 623.
15. Лестев А.Е. Мифологические основы японских боевых искусств [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2014. №4. С. 53. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2014/n4/Lestev.shtml> (дата обращения: 02.12.2015)
 16. Мендрин В.М. История сёгуната в Японии: Нихон гайси: В 2-х тт. Т. 1. М.; СПб.: Рос. Гос. б-ка: Летний сад, 1999. 480 с.
 17. Варли П., Моррис А., Моррис Н. Самураи. СПб.: Гиперион, 1999. 128 с.
 18. Дрэггер Д. Классические будзюцу. К.: София, 2000. 112 с.
 19. Повесть о великом мире / Самурайские сказания // Пер. В.Н. Горегляд. С.-Пб.: «Северо-Запад Пресс», 2012. С. 15 – 484.
 20. Ikegami E. The taming of the samurai. Honorific individualism and the making of the modern Japan. Harvard: Harvard university press, 1997. 428 p.
 21. Соловьев С.М. История России. Русь княжеская. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 304 с.
 22. Вие М. История Японии с древних времен до эпохи Мэйдзи. М.: Астрель: АСТ, 2009. 160 с.
 23. Курэ М. Самураи. Иллюстрированная история. М.: АСТ: Астрель, 2010. 191 с.
 24. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+, 2010. 352 с.
 25. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе // Ямамото Цунэтомо и др. М.: Эксмо, 2007. 432 с.
 26. Ямамото Ц. Хагакурэ // Книга Самурая. М.; СПб.: Евразия; Книжный Клуб 36.6, 2008. С. 63—193.
 27. Лестев А.Е. Психологические аспекты подготовки японских воинов // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 107—113.
 28. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб.: Наука, 2007. 360 с.
 29. Мацусита К. Миссия бизнеса. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 189 с
 30. Шажинбатын А.А. Антропологический аспект японской идентичности // Психология и Психотехника. - 2013. - 12. - С. 1169 - 1177. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.9836.

References (transliterated)

1. Nazaretyan A.P. Virtualizatsiya sotsial'nogo nasiliya: znamenie epokhi? (razvernutyi kommentarii k stat'e A. M. Burovskogo) // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2009. Vyp. 2. S. 150 – 170.
2. Kliri T. Yaponskoe iskusstvo voiny. Postizhenie strategii. SPb.: Evraziya, 2012. 224 s.
3. Areshidze L.G., Krupyanko M.I., Krupyanko I.M. Sovremenniy yaponskii etiket: raznoobrazie v garmonii. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2013. 264 s.
4. Tamura N. Aikido. Etiket i peredacha traditsii. K.: «Sofiya», 2002. 176 s.
5. Kriger P. TEN-DZIN-TI. Cherez kalligrafiyu k Budo. S-Pb.: V.N. Shadrin, 2011. 120 s.
6. Lestev A.E. Moral'no-nravstvennye imperativy rytsarei Suverennogo Voennogo Mal'tiiskogo Ordena // Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 4. S. 407-412. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.4.15204
7. Men'chikov G.P. Chelovek i ego bazovye ekzistentsial'nye determinatsii // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2008. №3. S. 131 – 141.
8. Funakosi G. «Dvadtsat' nastavlenii o puti karate» i ikh raz'yasnenie // Nauchno-

- metodicheskii sbornik «Khiden» (boevye iskusstva i rukopashnyi boi), vypusk 4. M.: A.M. Gorbylev, 2009. S. 154 – 178.
9. Zigan'shin R.M. Voennyi etiket samuraev // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2010. T. 3. № 2. S. 125–151.
 10. Uesiba K, Uesiba M. Luchshee aikido. Osnovy. M.: AST: Astrel', 2009. 191 s.
 11. Yusupov R.R. Kul'tura v istoriko-tsivilizatsionnom i natsional'no-regional'nom kontekste // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. №2. S. 92 – 94.
 12. Umbritin D.N. Voiny-zveri, voiny-kolduny. Mn.: Kharvest, 2007. 304 s.
 13. Akunov V.V. Berserki. Voiny-medvedi drevnego Severa. M.: Veche, 2014. 340 s.
 14. Gorbylev A. Sintoistskaya traditsiya voinskikh iskusstv // Sinto – put' yaponskikh bogov: v 2 t. T. I. Ocherki po istorii sinto / Obshch. red. L.M. Ermakova, G.E. Komarovskii, A.N. Meshcheryakov. SPb.: Giperion, 2002. S. 601 – 623.
 15. Lestev A.E. Mifologicheskie osnovy yaponskikh boevykh iskusstv [Elektronnyi resurs] // Yazyk i tekst. 2014. №4. S. 53. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2014/n4/Lestev.shtml> (data obrashcheniya: 02.12.2015)
 16. Mendrin V.M. Istoriya segunata v Yaponii: Nikhon gaisi: V 2-kh tt. T. 1. M.; SPb.: Ros. Gos. b-ka: Letnii sad, 1999. 480 s.
 17. Varli P., Morris A., Morris N. Samurai. SPb.: Giperion, 1999. 128 s.
 18. Dreger D. Klassicheskie budzyutsu. K.: Sofiya, 2000. 112 s.
 19. Povest' o velikom mire / Samuraiskie skazaniya // Per. V.N. Goreglyad. S.-Pb.: «Severo-Zapad Press», 2012. S. 15 – 484.
 20. Ikegami E. The taming of the samurai. Honorific individualism and the making of the modern Japan. Harvard: Harvard university press, 1997. 428 p.
 21. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii. Rus' knyazheskaya. M.: OLMA Media Grupp, 2013. 304 s.
 22. Vie M. Istoriya Yaponii s drevnikh vremen do epokhi Meidzi. M.: Astrel': AST, 2009. 160 s.
 23. Kure M. Samurai. Illyustrirovannaya istoriya. M.: AST: Astrel', 2010. 191 s.
 24. Leshchenko N.F. Yaponiya v epokhu Tokugava. M.: Kraft+, 2010. 352 s.
 25. Kodeks Busido. Khagakure. Sokrytoe v listve // Yamamoto Tsunetomo i dr. M.: Eksmo, 2007. 432 s.
 26. Yamamoto Ts. Khagakure // Kniga Samuraya. M.; SPb.: Evraziya; Knizhnyi Klub 36.6, 2008. S. 63–193.
 27. Lestev A.E. Psikhologicheskie aspekty podgotovki yaponskikh voinov // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2014. T. 10. № 3. S. 107–113.
 28. Benedikt R. Khrizantema i mech: modeli yaponskoi kul'tury. SPb.: Nauka, 2007. 360 s.
 29. Matsusita K. Missiya biznesa. M.: Al'pina Pablisherz, 2011. 189 s
 30. Shazhinbatyn A.A. Antropologicheskii aspekt yaponskoi identichnosti // Psikhologiya i Psikhotekhnika. - 2013. - 12. - С. 1169 - 1177. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.9836.